

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

“КТО ТАЙНОЕ В ЯВНОМ ОТКРОЕТ...”

(К 90-летию со дня рождения Новеллы Матвеевой)

После ухода в 2016 году Новеллы Матвеевой её племянник Павел Калугин, принявший на себя огромный труд по сохранению и изучению огромного творческого наследия поэтессы, обнаружил неожиданный факт её биографии, в которой, казалось бы, всё было более или менее известно. Во всяком случае, в том, что касается дат её жизни. Однако, как пишет П. Калугин, “оказалось, что невозможно найти свидетельство о рождении Новеллы Николаевны. По ряду юридических моментов было необходимо получить копию документа о рождении. Содержание ответа из архива отдела ЗАГС г. Пушкин, бывшего Царского Села, было и ожидаемо, и не очень. Год рождения был указан 1930-й... После уточнения всех деталей с сотрудниками архива стало понятно, что ошибки быть не может. По воспоминаниям Светланы Николаевны, родной сестры Новеллы Николаевны, их дом в Юной Республике в Щёлковском районе Подмосковья однажды после войны ограбили и вынесли всё ценное вместе с документами. При их восстановлении для подтверждения года рождения Новеллы было проведено врачебное освидетельствование. Это обычная и обязательная процедура для установления возраста ребёнка при отсутствии документов. По его итогам и был подтверждён и внесён в новые документы 1934 год рождения, который назвала Надежда Тимофеевна, мама юной Новеллы. Сделала она это для того, чтобы можно было снова отдать дочь в школу – из-за болезней было пропущено слишком много, а по физическому развитию девочка вполне подходила под ребят года на четыре младше. В школу она так и не пошла, а год рождения остался. Знала ли Новелла Николаевна об этом? Наверное, мы этого никогда не сможем ни утверждать, ни опровергнуть. Таким образом, этот, 2020 год с юридической точки зрения является юбилейным. Неоспорим тот факт, что вся биография, награды, премии и прошедшие юбилеи были организованы, исходя из 1934 года рождения. Ломать все эти устоявшиеся даты было бы неверным. Но и четыре года жизни убрать из биографии человека было бы несправедливо. Получается, что Новелла Николаевна покинула нас, не дожив чуть больше месяца до своего 86-летия”.

Такова предыстория открывшейся новой хронологии жизни Новеллы Николаевны Матвеевой, которую она либо не знала сама, либо запомнила, либо тщательно скрывала. Во всяком случае, за почти сорокалетнюю нашу с ней дружбу и долгие, откровенные разговоры на самые разные творческие и житейские темы она ни разу не обмолвилась об этом, хотя в последнее время

и заговаривала, чтобы я написал её биографию для молодогвардейской серии “ЖЗЛ”, где стали выходить и прижизненные биографии известных людей. Увы, этой книге в силу разных причин не удалось сбыться, да и сам внезапный уход Новеллы Николаевны прервал наши с ней планы, мы даже не успели довести до конца подготовку к печати её многочисленных дневников, которые она взялась переписывать для будущего издания, но работа не была доведена даже до середины, да это и невозможно было из-за её объёма — уже сейчас количество найденных её дневников приближается к пятистам...

За десятилетия нашей дружбы с Новеллой Николаевной и её мужем, прекрасным поэтом Иваном Семёновичем Киуру, к сожалению, рано ушедшим, я был редактором нескольких её книг, писал о ней, о её творчестве, составил с моим предисловием её биографическую книгу “Мяч, оставшийся в небе”, публиковал беседы с нею.

Если бы мы и в самом деле появлялись на Земле не один раз, то, несомненно, Новелла Матвеева жила бы и в эпоху Возрождения, и в век Просвещения!.. Ибо в ней так органично были соединены ренессансная полнота жизни — с её драмами и комедиями, добром и злом, — и энциклопедическая широта знаний, блеск ума, едкость иронии, горечь, скрытая даже и в весёлой озорной остроте. Я говорю об эстетическом родстве, хотя справедливости ради замечу, что так называемая смеховая культура, о которой писал М. Бахтин, была для неё категорически неприемлема, она не терпела никакой скабрёзости, грубости, пошлости, а Владимира Набокова за его “педофильскую” “Лолиту” она вообще не относила к роду человеческому и не раз упрекала меня за то, что я в свои антологии включаю его стихи. На мои возражения, что стихи-то у него есть хорошие, патриотические, с тоской по России, Новелла Николаевна категорически возражала: “Вот-вот, сначала прочитают якобы хорошие стихи, а потом начнут искать другие его вещи и доберутся до этой его мерзости...” Эти свои доводы она даже и в стихах запечатлела (стихотворение “А в остальном, прекрасная маркиза...”).

Кстати, в защиту от поклёпа на народную культуру она написала блестящее и как всегда остроумное стихотворение “О юморе”:

*Говорят: “Народный юмор груб.
Грубостью простому сердцу люб”.
Что вы! Юмор грубый чересчур —
Он как раз для избранных натур!
Старый вертопрах
наедине
Шепчет сальности чужой жене.
Вроде бы и юмор площадной,
Ан, глядишь, рассчитан для одной...
То-то и оно, что грубый смех —
Смех кустарный, редкий, не про всех!
Не скажу, насколько он прожжён,
Да не про детей и не про жён!
Груб, а ведь не каждого берёт
(Ржёт конюшня — да и то не вся!).
Что за притча? Что за анекдот,
Если вслух рассказывать нельзя?
При мужьях нельзя, при стариках,
При маэстро, при учениках,
Там, где людно, там, где молодёжь,
При знакомых, незнакомых то ж...
Если двое крадучись идут
“Посмеяться”, третьего не взяв,
Скоро эти двое создадут
Царство смеха на его слезах.
...Спутник селадонов и блудниц,
Чёрных лестниц, краденых утех,
Смех “плебейский” — для отдельных лиц,
“Аристократический” — для всех.*

При этом все времена, страны, культуры принимаются Новеллой Матвеевой с пушкинской “всемирной отзывчивостью”. Отторгается, рыцарски отмечается лишь то, что угрожает бесчеловечностью, всякого рода фамильярностью, высокомерием по отношению к униженным и оскорблённым, к бедности, к человеку труда, к истинному таланту... Не случайно среди её главных любимых писателей были Диккенс, Марк Твен, Достоевский, Грин, поэты Жуковский, Пушкин, умевшие лирой “чувства добрые пробуждать”...

Для эстетики Матвеевой изначально уродливо всё, что самодовольно, агрессивно завистливо, нагло, всё, что не согласуется с этической иерархией ценностей. В этом смысле ей близок Брейгель, его нелицеприятность в отношениях с жизнью, которая берётся для исследования в своей предельной неприукрашенности. При том, что внешняя брейгелевская грубость, изломанность, антиэстетичность уравниваются внутренним светом, внутренней чистотой и привлекательностью, жалостью к человеку, доведённому до уродства на фоне чистой и, кажется, непорочной природы как знака предвечной жизни. И наоборот, внешняя, показная прилизанность, благодность изобличаются в лицемерии, в сокрытии внутренней мерзости и захламлённости. Таков взгляд Брейгеля на мир:

*Прозренья его беспощадны,
Сужденья его непреложны.
Его дураки безупречны,
Его богомольцы — безбожны...
 (“Питер Брейгель-Старший”)*

По-своему беспощаден взгляд на мир и Новеллы Матвеевой, что особенно проявилось в её, скажем так, постромантический период творчества, совпавший с катастрофическими последствиями либерального перестроечного периода нашей истории, последствием которого стало крушение великой советской страны. В поэзии этого периода проявилась с новой яркой силой блестящая плеяда женщин-поэтов, среди которых столь непохожие друг на друга, классические во всех отношениях Татьяна Глушкова, Юнна Мориц, Новелла Матвеева, по жёсткости и преданности сравнимые разве что с певцом империи Киплингем, с их жёсткими, бескомпромиссными сатирическими и философскими стихами, за которые к ним всегда была враждебно настроена либеральная тусовочная критика и вся русофобская “пятая колонна”. (Так, Пушкина до сих пор честят за его гражданскую и политическую позицию в стихах “Клеветникам России” разного рода Шендеровичи-Иртеневы. И намеренно “забывают”, как крамольный П. Я. Чаадаев понял и поддержал Пушкина: “Я только что прочёл Ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё Вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот, наконец, Вы и национальный поэт. Вы угадали, наконец, своё призвание”...)

Матвеева одна из первых в пронзительных стихах “Такое впечатленье...” заговорила об утрате русского Крыма и Севастополя задолго до их возвращения “в родную гавань”, забив во все колокола тревогу об исторической несправедливости, чем, быть может, приблизила час победы, возмездия и торжества справедливости в 2014 году, ибо всё-таки верила: “Такое впечатленье, // Что с нами Бог Всемогущий”:

*Такой туман ехидный,
Как будто сожгли в нём резину...
Такое впечатленье,
Что в море подлили бензину,
 Что жирный блеск бензина
 Мне радугу скорчил для виду,
 Что старая дрезина
 Собой заменила Тавриду.
Какое странное море! —
Ни белое, ни голубое...
Такое впечатленье,
Что сдан Севастополь без боя.*

*Неужто лиходеи
 От праведной кары закляты?
 Такое впечатленье,
 Что крепости — подлостью взяты!*
*О, всякий плен печален,
 Погибельно рабство любое.
 Но ДОБЛЕСТНЫХ плененье,
 Но рабство ОТЧАЯННЫХ — втрое!
 Решушь ли оглянуться
 На шум заповедного флага?
 Такое впечатленье,
 Что льётся из глаз моих влага,
 Что в мире
 Нет одиноче
 ГЕРОЕВ,
 СВОБОДЫ ЛИШЁННЫХ.
 Что нет ничего жесточе
 Трусов вооружённых!*
*И щиплет глаза от рези,
 Как будто попал в них и жжёт их
 Отскол от статуи Фрэзи, —
 Заступницы мореходов...*
*Но тот не взвидит света,
 Кого униженный проклял.
 Такое впечатленье,
 Что там, за моросью блёклой,
 Есть яркое море Грина
 И Фрэзи Грант на “Бегущей”...
 Такое впечатленье,
 Что с нами Бог Всемогущий.*

Бывают писатели разные — хорошие, интересные, читаемые. Но очень редко появляется тот, о ком можно сказать: вот писатель со своим неповторимым миром! Как это говорим мы о Свифте, Рабле, Кэролле, Грине, Платонове... Как можем сказать и о Новелле Матвеевой. Речь идёт не о сопоставлении дарований в этом ряду, а о характерной самобытности, которая объединяет этих авторов. И не потому, что они изобретают какой-то особый язык (хотя по этой части они великие Мастера!) или придумывают необыкновенных героев, расшатывают реальность, а потому, что они оставляют после себя эту реальность обновлённой, показанной в её метафизической сущности, недаром же — “тем более дорого стоит, кто тайное в явном открое...”, из чего следует и другая формула: “Если бы не было жизни в книгах — // В жизни бы не было книг”. Но пророческие стихи о Севастополе говорят и о том, что Матвеева, благодаря поэтической интуиции, владела мастерством и в тайном, до времени сокрытом открывать явное, неизбежное...

Мир Новеллы Матвеевой — это её стихи, песни, поэмы, проза, эссеистика. И в них — ум, порядочность, честность, справедливость, жажда совершенства не просто желательны, но обязательны. Может быть, потому у Матвеевой нет эпигонов. Ибо как подражать уму? И можно ли симулировать честность?..

Подражать Матвеевой нельзя, потому что её поэзия не просто сумма блестящих и виртуозных приёмов (их-то как раз в той или иной степени возможно копировать!), не следование за модой, не заигрывание с критикой и читателями, а напряжённое, парадоксальное движение острой мысли, мастерским трудом отлитое в лёгкую, весёлую, ироничную и стройную, как чудесный кораблик из её песен, совершенную форму. Достигший подобного мастерства станет сам не эпигоном, но Мастером!

Поэзия Новеллы Матвеевой практически вся цитируема. Жаль, нечасто обращаются критики к её афористичным, крылатым строкам. Нынешних “телевизителёв”, тусовочных пропагандистов и культуртрегеров в печати и на телевидении больше привлекает непристойное, хохмаческое, ёрническое, космополитичное либо откровенно русофобское! По злой иронии судьбы, считающий

себя учеником и поклонником поэзии Матвеевой, ею же когда-то рекомендованный мне со стихами в альманахе “Поэзия” розовощёкий мальчишка Дима Быков стал мерзким рупором русофобии, выступил против возвращения Крыма, с компанией Макаревичей рупором поддержки нацистской бандеровской власти на Украине, стал апологетом предателя Власова. Надеюсь, что на нём и на таких, как он, сбудутся-таки слова Матвеевой: “*Но тот не взвидит света, // Кого униженный проклял*”. . . Как здесь не вспомнить её убийственную формулу: “*Эстет и варвар вечно заодно*”. Не ради красного словца высказалась эта мысль. Подобно ростановской реплике бесстрашного Сирано, ставит она на место любого пошляка и мерзавца, а тем паче любого клеветника России.

Каждого своего читателя, в ком заранее предполагает благородство и ум, поэтесса словно приглашает на пир мыслей, истины, воображения. То она глубока и серьёзна: “*... в мир приходит гений // Не мешать, а мешать*”. . . То язвительна: “*... Вся та святая простота, // Что не проносит мимо рта...*” То огорчена: “*Кто сам не песня — тот обычно против песни...*” То, по-русски ахаясь с хлебниковским восторгом: “*Русь, ты вся поцелуй на морозе!*” — откликается: “*... Разве даром в полях января // пахнет перцем российский мороз?!*” То философски спокойна: “*Лишь истина стоит забот*”.

Великий полемист (хотя и поневоле, — жизнь заставила!), в споре, в отстаивании справедливости она — неисправимый максималист! — всегда резко непримирима, жало её иронии, сатиры безжалостно. И тут уж прочь с дологи, романтика, которую так упорно приписывают критики поэту.

*Не пиши, не пиши, не печатай
Хриплых книг, восславляющих плоть.
От козлиной струны волосатой
Упаси
Твою лиру Господь!
.....
Отползи поскорее к затону,
Отрасти себе жабры и хвост,
Ибо путь от Платона к планктону
И от Фидия к мидии — прост.
 (“Не пиши, не пиши, не печатай...”)*

Вот так — жёстко, беспощадно, при этом вполне элегантно, аристократично. Не припоминаю в нашей усыпляюще теплокровной и самовлюблённой поэзии последних лет столь бесстрашного, рыцарского противоборства с пошлостью, эстетизированной вульгарностью (не случайно предисловие к её биографической книге я назвал “И одна в поле воин”).

Знающим Новеллу Матвееву лишь по её песням, по её почти детскому, беззащитному голосу, словно на ветру во тьме качающемуся огоньку свечи, непривычным кажется это новое узнавание поэта. Но нет здесь противоречия. Чтобы мир окончательно не обрушился в хаос, не стал ещё более угрожающе дисгармоничным, чем уже есть, в него необходимо вносить музыку, лад, великодушие, дрожащий на ветру комочек света. . . Но чтобы разлаженность, дьявольская дисгармоничность мира не погасила этот хрупкий свет, не заглушила своим скрежетом чуть слышный голос небесной музыки, Поэт восстаёт против всего разрушительного, разлагающего, восстаёт, наконец, против расчеловечивания, против ускоряющейся энтропии души. . .

Помнится, когда-то я был по-настоящему удивлён, узнав, что у песни “Цыганка” есть автор, да ещё наш современник. . . С которым в начале 80-х прошлого века мы подружимся и пронесём эту дружбу через десятилетия. . . У нас, на Урале, в рабочем городке, давно уже распевались как народные слова:

*Развесёлые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли...*

И сегодня, по прошествии лет, воспринимаю я эту песню Новеллы Матвеевой как существовавшую в нашей песенной культуре всегда, как ставшие

народными песни на стихи Некрасова, Есенина, Рубцова... Есть в ней (как, впрочем, и во всех её песнях) и щемящая грусть, и красота, и волнующий, влекущий в неизвестность зов дороги (одна из её пластинок так и будет называться "Дорога – мой дом")... И уже не конкретный человек – её автор, а те, кто поёт эту песню сегодня, кто будет петь завтра, потому что они добавляют к ней своё настроение, свои мысли, свою личную историю, свою личную Вселенную, в которой у каждого человека, по слову Канта, есть моральный закон и личное звёздное небо над головой...

Она навсегда остаётся Поэтом в русской культуре. А пока в мире есть хоть один Поэт – людям остаётся надежда.

*...И шёл поэт, спокойный, как ковчег,
Над всплесками библейского потопа,
И телескоп смотрел, как человек,
И человек стоял у телескопа...*